

Галина Пичура

*Срок
давности,
или
Моя любовь*

Галина Пичура

*Срок давности,
или
Моя любовь*

Бостон • 2027 • Чикаго

ГАЛИНА ПИЧУРА Срок давности, или Моя любовь
Повести и рассказы

GALINA PICHURA The Statute of Limitations, or My Love
Novellas and Short Stories

Copyright © 2026 by Galina Pichura

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without prior permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-16-1

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

□ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced by Bagriy & Company | Chicago, IL

□ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Тапочки	9
Срок давности, или Моя любовь	55
Допрыгнуть до счастья	91
Ложь	118

РАССКАЗЫ

Застолье	151
Мачеха	182
Женихи для мамы	206
А бывают женщины	221
Без права на обиду	227
Экскурсовод	233
Богини, или Чем меньше мы мужчину любим...	257
Не требует перевода, или Языковой барьер	271
Такой вот человек	279
Америкосы, или Не каждому дано	288
Траектория мечты	323
История Гришки Шульмана	349
Выпускной	371
Спасибо, что выслушал маму!	399
Место под солнцем	407
История одного счастья	414
Любимый	417
Поперечник	443
Импульс, или Подарок для нелюбимого	456

Повести

ТАПОЧКИ

Глава 1

Реальность ревнует людей к мечтам и воспоминаниям и мстит неизменным возвращением в своё, по большей части, прозаическое логово под названием «сегодняшний день».

В судьбе Иры это была атмосфера убогой коммунальной квартиры — выдающегося изобретения не то изощрённых моральных садистов, не то старых дев пенсионного возраста, боящихся никем не замеченного медленного умирания в личных «норках»... Коммунальные квартиры — это, наверное, предел мечтаний утопистов-романтиков, верящих в то, что общая кухня и общий горшок могут приобщить народ к дружбе и единодушному признанию завоеваний социализма.

Конечно, главными идеологами изобретения коммуналок стали трудноустранимый дефицит жилья, полное неуважение к людям и к тому, что составляет понятие «комфорт», бытовой и психологический.

Проходили годы, но ничего не менялось в судьбе Ирочки. Разве что Александра, соседка по квартире, которая раньше пила в одиночку, наконец-то вышла замуж, и теперь она напивалась вместе с мужем, после чего они неизбежно заканчивали застолья драками и что-то роняли всю ночь: то ли мебель, то ли друг друга. А под утро, в знак примирения, неизменно начинали громко петь одну и ту же песню: «Ты ж меня пидманула, ты ж меня пидвела».

Это было невыносимо: ежедневные ссоры соседей, их пьяные разборки, длинные очереди в туалет и ванную

комнату, страх оставить кастрюлю на плите без присмотра даже на несколько минут, чтобы мстительные соседи не всыпали в неё пачку соли или ещё что похуже! Такое уже случалось не раз. Например, пару лет назад, когда пожилая и вечно неопрятная Василиса из комнаты напротив, грубая и ядовитая, как мухомор, решила выразить свой грозный протест соседям за поздний телефонный звонок: в половине двенадцатого Ирине позвонила подруга и в истерике сообщила о смерти своей мамы. Ира бросилась вызывать такси, чтобы поехать к подруге и поддержать её. И тут Василиса устроила скандал, хотя вовсе не спала, а пила чай на кухне.

— Скажи своим хахалям, — с базарным достоинством, не спеша, словно доводила до сведения соседки важное государственное решение, произнесла она громко и торжественно, — чтоб не беспокоили людей после одиннадцати. Имею право отдыхать. Если сообщу в милицию, проблем не оберёшься. Нарушаешь правила общежития. Вот купишь себе дворец, туда пусть звонят, когда хошь. А тут... уважать надо соседей. Это ясно?

Ира попыталась объяснить ситуацию, но соседка обрадовалась возможности конфликта: ей не с кем было разговаривать после смерти мужа, а тут вдруг такая удача! Шанс не просто поругаться, а ещё и пострадать народ:

— А если б ейная мамаша в три часа ночи померла бы, тогда что? Она б тут всех перебудила?

Отвечать было бессмысленно, да и не до того. Ира схватила куртку и выскочила за дверь. И вот, на следующий день, Василиса Мухоморовна, как соседи за глаза называли блюстительницу порядка, нашла способ отомстить за не вполне состоявшееся накануне самоутверждение, всыпав пачку соли в суп с фрикадельками, который Ира сварила впервые в жизни, желая сделать своей маме кулинарный сюрприз. Хотя, скорее всего, поздний звонок был только поводом, а мстила соседка за что-то более весомое. Ну, например, за своё безликое и никому не нужное существование, за не рождённых в молодости детей и просто за неизбывную тоску и зависть к чужой юности.

Глава 2

Ирина прожила в коммуналке двадцать три года. Собственно говоря, с самого рождения. Ещё её бабушка, мамина мама, родилась в этой самой квартире, в центре Питера, где, помимо её семьи, проживало ещё пять, что составляло семнадцать человек!

Ни наследства, ни иного источника богатства у Иры не предвиделось. Увы, ей не повезло родиться в семье торговых работников или партийно-правительственных боссов. Её родители были простыми работягами: портниха и заводской токарь. К тому же они давно развелись, и отца своего Ира видела в последний раз, когда ей было пять с половиной. Алименты приходили почтовыми переводами с разных адресов всего несколько раз за историю её жизни. Мама не пыталась сражаться за эти деньги с помощью властей, так как не хотела подвергать себя неизбежным унижениям, обычно сопровождающим такую борьбу. Она одна тянула лямку родительских забот, предназначенную для двоих. А потом, когда Ирочка уже училась в шестом классе, друг отца прислал им письмо, в котором сообщалось, что Иринин отец умер от какого-то сложного аппендицита прямо на операционном столе.

Мама, Наталья Владимировна, отлично шила, что в семидесятые годы имело свой особый смысл и ценность, поскольку даже обладателям больших денег приходилось всё доставать по великому благу или выстаивать сумасшедшие очереди в магазинах, а то и заниматься фарцовкой, чтобы хоть как-то прилично одеваться.

Работа в ателье особых доходов, разумеется, не приносила, но частные заказы на дому позволяли немного побаловать дочь обновками. Однако о приобретении своей квартиры речь, конечно же, не шла.

Когда Ирочка закончила школу, она выучилась на бухгалтера. Ире нравились цифры. С ними ей удавалось ладить лучше, чем с людьми. Так что диплом по этой специальности отражал не только профессиональную квалификацию, но и некоторые стороны её замкнутого характера.

Ей удалось устроиться в бухгалтерию одного из вузов. На жизнь хватало, если не приобретать ничего серьёзного и копить на зимние сапоги по полгода. Но из коммуналки вырваться не удавалось.

Ставка на богатых женихов исключалась по двум причинам: Ира, к своему несчастью, была романтической и искренней и не понимала любви по расчёту. К тому же в её личике не было той яркой эффектной красоты, которая могла бы привлечь кого-то из действительно обеспеченных или сильных мира сего. Словом, девушка милая, но не из тех, на кого оборачиваются на улице. Невысокая, худенькая, курносая шатенка, каких миллионы. Походка — и та не слишком выразительная, поскольку пластика человека выдаёт его внутреннюю скованность мгновенно. В Иру мог влюбиться, скорее всего, только тот, кто уже знал её и кого она смогла бы очаровать добротой, женственностью и нежностью... Мечты о серьёзных чувствах и романтических отношениях уже прочно поселились в душе. В то же время появилась смутная тревога, что суженый никогда не заметит её среди кокетливых красоток города. Перспектива вечного одиночества стала проникать в её подсознание беспокойными снами и комплексами. Да и вообще, её самооценка и без того была не слишком высокой, как часто бывает с детьми, выросшими в неполных семьях. Но переживания оказались напрасными: в двадцать три года Ирина вышла замуж по любви за своего сотрудника, Вадима. Тот преподавал физику, был спокойным, начитанным, в меру привлекательным брюнетом среднего роста, с приятной улыбкой и хорошими манерами. Он увлекался шахматами и даже участвовал в городских соревнованиях, что вызывало в Ире особое к нему уважение. Помимо этого, он играл на гитаре и немного пел, а это — залог успеха и популярности в любом коллективе. И наконец, Вадим почти свободно владел английским: его мама была филологом и дома старалась говорить с сыном по-английски с раннего детства. Такой набор достоинств превращал парня почти в принца. И тем более было ценно, что он выбрал неброскую Ирину для столь серьёзного шага, как супружество.

Однако Вадик, как и Ира, жил вдвоём с матерью в коммунальной квартире.

Наталья Владимировна, мама Ирочки, очень расстраивалась по поводу необдуманного выбора дочери: на её взгляд, та явно торопилась, хотя возраст ещё вовсе не подгонял бросаться в омут супружества, а жених, при всех его достоинствах, всё-таки был евреем. Нет, разумеется, никакого антисемитизма в Ириной семье не было: девочке с детства внушали, что и среди евреев бывают хорошие люди. Кто этого не знает! Но какая русская мама смогла бы спать спокойно в России семидесятых, если её ребёнок, тем более единственный, подвергается риску стать изгоем, породнившись с евреем! Зачем всё это? Мало, что ли, русских ребят? Своих, понятных, родных... А появятся внуки, так и вовсе пострадают ни за что. В общем, мама плакала по ночам, ворочаясь без сна, обеспокоенная сомнительными перспективами семейного счастья дочери.

«Будущий зять чудом нашёл приличную работу, — думала она. — Один раз повезло! А если узнают, что его старший брат в США живёт?!»

Уж ей-то не знать, как евреев на работу берут! Её подруга детства, трудившаяся в кадрах одного из научно-исследовательских институтов не первый год в серьёзной должности, рассказывала не раз по великому секрету про процент евреев, дозволенный для приёма, и как всё это свыше спускается в кадры.

Вот уж и в кошмарном сне бы не приснилось, что эта проблема когда-нибудь коснётся её родной кровиночки, такой безупречно русской и ни в чём не повинной!

Попытки отговорить дочь выходить замуж за Вадика результата не дали. Только отношения обострились! Ира злилась на маму за непонимание любви и прочих ценностей жизни, обвиняла бог знает в чём и даже перестала откровенничать, как это бывало прежде. А когда дочка замыкалась и ничего не рассказывала ей о своих планах, мыслях, переживаниях неделями, маме становилось страшно и холодно.

«Дети-дети! Все мы в вашей власти целиком и полностью! — всё чаще думала она с горечью. — Нет на земле

сильней магнита, который бы притягивал женщину, чем дети и внуки! Они — наши господа и повелители. И никуда от этого не денешься!»

Сыграли свадьбу. Зажили молодожёны в съёмной однокомнатной квартирке, неподалёку от работы. Вскоре Ирочка родила сына, а через пару лет и дочь.

Жили дружно, Ира расцвела. Да и Вадик стал выглядеть более представительно. Но главное, он оказался хорошим, заботливым мужем и отцом.

Однако деньги в семье не водились. Откуда они у преподавателя и скромного бухгалтера?

А расходов хватало: то сыну пальто купить нужно, то дочке сапожки, то на море детей свозить необходимо, бронхи подлечить, чтоб малыши не кашляли... Не копитя никак!

Надежды на лучшее жильё разбивались о прозаичную реальность, близкую к безысходности: ютиться в тесной квартире вчетвером стало уже невыносимо.

Подруги Натальи Владимировны подшучивали над ней:

— Наташка! Что это за еврей такой твоей Ирке достался? Все евреи с деньгами, а этот — чуть ли не нищий! Ну не поверить нам, чтоб у еврея ничего не было, кроме зарплаты. А может, прикидывается он бедным, а сам себе втайне коптит, а? Да, ладно, не злись, шутим мы. Просто обидно за Ирку. Хорошая девочка!

Глава 3

Когда к власти пришёл Горбачёв и разрешил частное предпринимательство, за которое не так давно беспощадно карал граждан своей страны его соратник Андропов, Вадик организовал своё дело. Он создал группу продлённого дня. Но такую, о какой никто и мечтать не мог!

Там дети не бегали, как сумасшедшие, по этажам, не зная, чем себя занять, как это бывало на обычных продлёнках, а занимались уроками, музыкой, языками и играми. Вадим заключил договор аренды на пустующее помещение около школы. Это был бывший заброшенный

детский сад, который при всеобщей нужде в садиках никем не восстанавливался долгие годы. Пришлось занять денег, чтобы отремонтировать помещение и обставить его новой мебелью. Были наняты музыкант и хореограф, куплен спортивный инвентарь; мама готовилась вести кружок английского языка, а сам он — кружок будущих учёных-физиков. В общем, создавалось важное и интересное дело.

Нужен был, конечно, ещё и повар, и уборщица, и физрук. Но всё это было лишь в планах, поскольку пока платить им было бы нечем. Поэтому все эти роли взял на себя сам Вадик, его жена, мама и тёща. Когда всё было оборудовано и оформлено, в нескольких школах микрорайона состоялись собрания, на которых перед родителями и учениками выступил Вадим с коллективом своих будущих сотрудников. Плата за услуги была вполне посильной для любой семьи, поэтому от желающих определить своих детей в такую замечательную группу отбоя не было. Детей из нескольких школ после определённого часа приводили в группу продлённого дня.

Дело пошло на редкость здорово. И дети, и их родители были очень довольны. Никто из ребят не скулил на тему «почему меня так поздно забирают», а некоторые даже плакали, когда за ними приходили.

Ещё бы! Их вкусно кормили, помогали делать заданные уроки, с ними играли во дворе, устраивали спортивные соревнования. Помимо этого их развивали в непринуждённой форме игры, и они, сами того не замечая, начали понемногу говорить на английском, слушать классическую музыку, которая прежде казалась им невероятно скучной, красиво танцевать, чего многие из них до этого не умели, — главное, дети были просто счастливы.

А тут ещё Ирочкина мама пообещала девочкам кружок кройки и шитья. Это вызвало полный восторг, и дети с энтузиазмом принялись обсуждать, что же они сошьют себе и родителям в первую очередь.

Вадик трудился без выходных и очень уставал. Наибольшую трудность представлял процесс отбивания от контролирующих организаций, которые повадились проверять

новый коллектив чуть ли не еженедельно. И СЭС, и пожарные, и финансовые контролёры из исполкома. Лица фининспекторов становились ярко-красными после сравнения своей зарплаты с зарплатой членов кооператива.

«Буржуи! Ничего себе, загребают!» — шептались за их спинами. И кому только ни приходило в голову устроить проверку деятельности этого коллектива! Однако сотрудники переносили эти нашествия стойко. Трудней всего было ладить с учителями и РОНО. Их почему-то задевало, что дети стали внутренне независимее, чем раньше. И ещё именно учителя, как никто другой, остро и болезненно переживали финансовое процветание нового предприятия. Всё чаще стали слышны голоса ветеранов педагогики о том, что ещё неизвестно, чему их там обучают! Вот в школе, мол, есть чёткие планы на каждый урок и на весь курс учёбы. А кто может поручиться, что дети не будут подвергаться в этом коллективе антипатриотическому влиянию?!

Комиссии из РОНО участились. Упоминались какие-то анонимные письма. В конце концов, Вадик и его мама тоже — советские педагоги. Но почему-то это обстоятельство проверяющие пропускали мимо ушей и упорно искали изъяны в деятельности кооператива.

Однажды, стоя в очереди за овощами в ближайшем магазине, мама Вадима, Татьяна Вениаминовна, стала невольной слушательницей диалога двух пожилых женщин:

— Нынче честные люди себе лишнее яблочко купить не могут, так всё подорожало! Я вот который год на пенсии, а такой дороговизны никогда не видела. Хорошо ещё, дети помогают! И деньжат иногда подкинут, и продукты привезут. А без их помощи я бы вообще померла с голоду!

— Да, это точно! Так выходит, что нужно нам всем кооператорскую зарплату иметь, а иначе — зубы на полку. Только совесть не позволяет в кооператоры идти. Вон, ворья сколько развелось, только раньше они назывались спекулянтами, а теперь — кооператорами. Мне недавно невестка подарила кофточку кооперативного производства, красивую с виду, яркую, залюбуешься прямо. А после

первой стирки она полиняла и пятнами пошла. Невестка кофту обратно принесла, а ее спрашивают: «А вы кофточку в какой воде стирали?»

Люська, невестка моя, отвечает, что, мол, какая разница, в какой, потому как, если вещь качественная, то её в любой воде стирать можно. Ну тут они раскричались и заявили, что имеют полное право деньги не отдавать: «Если в горячей, — говорят, — то кофта права, что полиняла. Мы всем покупателям говорим, чтоб стирали в холодной воде». Люська им в ответ: «А мне никто ничего про это не говорил! Верните деньги, а то я жаловаться буду». А они смеются: «Ну и жалуйтесь, — говорят. — И вообще, ещё не известно, где вы эту кофточку купили. У нас таких и не было вовсе. Дайте квитанцию!» А Люська её найти не может, ведь пока я её до стирки носила по праздникам и берегла, много времени прошло. Так что ничего не вернули, и кофточке конец. Вот такая история получилась. В общем, все эти кооператоры — люди без стыда и совести. Одно слово: жулики.

— Да, согласна с вами полностью! — отвечала вторая пенсионерка. — Только кофточка — это ещё полбеды. А вот внучек мой, Серёженька, в кооперативную продлёнку ходит. Дочка с зятем говорят, что там хорошо, а мне не по себе. Ну что они там детям есть дают? Наверняка ведь стараются похуже накормить, чтобы себе побольше выгоды оставить. А мои не понимают, молодые, наивные. И мало того, что на внуках наших прохвосты наживаются разные, так я на днях ещё узнала, что там жида работают, в продлёнке этой! Представляете, что удумали! До внуков добрались! Как подумаю, чему они там могут их научить, так сердце кровью обливается!

Татьяна Вениаминовна почувствовала головокружение и вышла из очереди. Она вернулась домой совершенно разбитая и долго не могла прийти в себя. Вечером сын забежал к ней по делу и нашёл её в очень плохом состоянии. Разумеется, она рассказала ему о случившемся.

— Мама! Ну это же вовсе не новость, что на свете есть малообразованные люди. И они, как правило, бывают на-

ционалистами, в частности антисемитами. Да, конечно, всё это неприятно, но это же — не интеллигенция. Не стоит так расстраиваться из-за каждой глупой и примитивной старушки.

— Нет, сынок, ты ошибаешься. Эта старушка олицетворяет собой советский народ. По крайней мере, его подавляющее большинство. Я за свою жизнь много подобных разговоров слышала, и самое страшное, что от этой самой интеллигенции, о которой ты так хорошо думаешь.

— Мама, тут дело не в евреях. Это — обычная и понятная зависть к трудолюбивым людям, которые способны что-то предпринять и что-то заработать. Классовый антагонизм, умноженный на социалистическую идею всеобщего нищенства. Нищенство как символ равенства. Каждый обеспеченный — соответственно, жулик. Кстати, твоя старушка в чём-то права. Ведь не все кооператоры предлагают качественный товар или сервис. Есть и жулики.

— Вадик, жулики есть, были и будут. При чём тут все кооператоры? А что, в государственном секторе жуликов мало? Их просто выявить персонально намного труднее! И ещё, скажи мне на милость, ну почему мы должны нести ответственность за тех кооператоров, которые продали некачественную кофточку какой-то Люське? И даже если мы должны отвечать за не имеющую к нам отношения кофточку, так при чём тут наша национальность?

— Мам! Ну ты как маленькая. В России живёшь, а всё удивляешься. Надо было тебе в Израиль уехать и закрыть тему антисемитизма.

— Наверное, надо было. Мой отец не хотел даже думать об этом. Он был инженером, кандидатом наук, занимался литьём металлов, имел авторские свидетельства. Его уважали на работе, — Татьяна Вениаминовна печально улыбнулась и добавила: — Несмотря на национальность. Вот он и не хотел испытывать судьбу. Решил трудиться для своей страны. А вся его родня ещё после революции эмигрировала. И его родной брат, и две сестры. Кто-то из них в Америку попал, кто-то сейчас живёт в Израиле. Сначала от них приходили письма, но отец на них не отвечал. Боялся

потерять работу из-за наличия близких родственников на Западе. А потом письма перестали приходить.

— Мама, ты мне никогда этого не рассказывала. Так что же получается, мой дед был сволочью, что ли? Не отвечал на письма родных людей из-за страха за свою шкуру?

— Не всё так однозначно, сынок. Как легко ты ярлыки навешиваешь! Вот и память деда готов оскорбить. А ты подумай, какой выбор у него был. Или всё потерять: любимую работу, источник существования, возможность кормить свою семью, а может, и приобрести куда более серьёзные неприятности с властями, — или попросить родных людей понять его и не писать ему. Они ведь ничем не рисковали в этой переписке. А он рисковал всем! Он был вынужден решать: эмигрировать тоже или остаться, но не вступать в эту переписку. Пойми: не каждый готов все бросить и умчаться в неизвестность! Миллионы возможных препятствий... Это решение — ох, какое сложное! Тут не стоит рубить с плеча. Твой дедушка никого не предавал. Это советская власть предала их всех! Нас всех! Своими законами и нравами, своей политикой преследования за право человека выбрать, где ему жить и умирать, где работать, с кем переписываться, на ком можно жениться, а на ком нет, если вдруг любимый — иностранец. Так что остынь, прежде чем оскорблять покойного деда. Если б не он и не бабушка, не их помощь во всём, и тебя бы, возможно, не было на свете. Я-то крепким здоровьем не отличалась!

Татьяна Вениаминовна заплакала, вспомнив родителей. Сын обнял её и стал успокаивать.

— Ну, мама, ну, не плачь. Я не хотел... Мама! А ты больше не пыталась найти этих родственников?

— Пыталась. Ещё как пыталась! Только безрезультатно. Да и сам дедушка твой, когда на пенсию вышел, затосковал по молодости — воспоминания нахлынули. Работы уже не было, и времена стали другими... Одним словом, нашёл он старые неотвеченные письма, написал по тем адресам, сообщил наш новый адрес, да только в ответ — тишина. Несколько раз и я пробовала. Может, они давно умерли или переехали в Европу. А может, обижены и нарочно не отве-

чают. Так что потерялась родня навсегда. Грустная история... Что бы я сейчас ни говорила тебе, а я чувствую вину перед своими близкими... Они писали нам. Может быть, им было трудно, особенно первое время на чужбине. Им хотелось услышать родные голоса, да хотя бы письма от нас поддержать в своих руках. Конечно, у них — своя правда и своё право на обиду.

— Ладно, мамуля, не переживай! Может быть, ещё удасться их отыскать. Всякое бывает! Давай помечтаем о хорошем! Мы вот скоро заработаем денег и купим отдельные квартиры... Представляешь, как заживём? Ты в каком районе хотела бы жить?

— Мечтатель ты мой! Сколько лет копить-то собираешься, чтобы квартиру хоть себе самому купить? Двадцать? Больше?

Вадик опустил глаза и глубоко вздохнул. При всех успехах его кооператива прибыль пока уходила почти целиком на оплату долгов. Они ведь много заняли, чтобы привести в порядок запущенное здание, купить оборудование для кухни, оплатить труд работников... Расходов хватало. Тем не менее, по расчётам молодой семьи, долги уже скоро будут выплачены, и вот тогда...

Глава 4

...Екатерина Васильевна работала в той же самой школе, что и Татьяна Вениаминовна. Обе они преподавали языки. Татьяна — английский, а Екатерина — французский. Они были одногодками и даже родились в одном месяце — в апреле. И хотя их дни рождения разделяли две недели, учителя поздравляли обеих одновременно — как апрельских именинниц. Видимо, для экономии времени и средств.

Так сложилось, что обе женщины, многие годы работая бок о бок, были просто приветливыми соперницами — не подругами и не врагами.

Обновки обеих вызывали у каждой зависть и желание тут же доказать превосходство своего вкуса.

Поражать в школе красотой и модой было, в общем-то, некого: из мужчин там работало всего три человека, да и они не вызывали ни у кого из женщин энтузиазма. Однако сами женщины, молодые и нет, столь ревностно относились к новым туфлям, кофточкам и платьицам друг друга, что прийти в чём-то эффектным, ловя на себе восторженные взгляды, стало уже необходимым допингом для женского состава коллектива школы. Может, это была даже своеобразная сублимация: вместо романов, семьи или спорта душу заполняла страсть к обновкам и сплетням.

Когда Татьяна уволилась из школы, чтобы отдать свои силы и время кооперативу, она была уже пенсионеркой и продолжала работать. Екатерина точно так же продолжала трудиться после достижения пенсионного возраста, но уходить ей было некуда, кроме как в одинокую и безликую жизнь. Обе они похоронили своих мужей, но Катя так и не стала мамой (как она говорила: «бог не дал») и всегда откровенно завидовала всем, у кого были дети и внуки.

Конечно, слухи о процветающем кооперативе бывшей сослуживицы тут же дошли до Екатерины. Они были сильно преувеличены, эти слухи, и рисовали Татьяну чуть ли не миллионершей. Пережить такой взлёт соперницы было сложно, тем более что зарплата учительницы, как известно, не позволяла никаких излишеств. А тут ещё и перспектива проводов на пенсию.

До сих пор никто ей «на пятки не наступал», несмотря на возраст. И вдруг директор школы стал намекать: то какой-то обидной фразой о неизбежном влиянии возраста на память, то рассуждениями о неуловимой энергетической связи между молодыми выпускниками педагогических вузов и старшеклассниками, то странными двусмысленными шутками и снисходительными взглядами. В общем, перспектива одинокой старости и ненужности из далёкой и призрачной становилась вполне осязаемой и жуткой. Озноб обиды током пробегал по всему телу Екатерины Васильевны и лишал её радости преподавания, чего прежде с ней не случалось. Она всегда гордилась своей профессией и собой в этой профессии. Её ученики побеждали на всех

городских олимпиадах — да что говорить! Она была хорошим учителем! И вдруг ей намекают, что пора уступить место другому поколению...

А вскоре на горизонте появилось олицетворение этого поколения. Как позже выяснилось, новой сотрудницей оказалась не свежая выпускница вуза, но дама, куда больше подходившая под директорское понятие молодёжи, чем сама Екатерина Васильевна.

Это была красивая брюнетка лет тридцати пяти с длинными стройными ногами и очень эффектной пышной фигурой. Несколько раз её видели садящейся в машину директора недалеко от школы, и по тому, как тот суетливо открывал ей дверь автомобиля, несколько свидетелей-учителей поняли, что он влюблён в неё. А так как мир и правда тесен и таинственная незнакомка оказалась хорошей знакомой литераторши, то вскоре весь коллектив обсуждал роман директора с молодой учительницей, претендующей на преподавание в школе французского языка.

Бороться с директором было сложно, ведь его краля, как мысленно называла её Екатерина, — ему не жена и не родня. Так что обвинить его в семейственности на работе не получалось. Он и вёл себя осторожно: не выгонял Екатерину напрямую, но находил мелкие погрешности в её работе и возносил их на высоту великой значимости. А на собраниях всё это обнародовал!

И конечно, у человека не выдержали нервы. На что и была рассчитана политика директора. Уволилась Екатерина. Сама. И осталась совсем одна. Никто её даже не навещал. Подруг не нажила из-за характера. Родни не было. Денег накопить не довелось: государство позаботилось. Не шибко-то на такую зарплату накопишь! А уж на пенсию не забалуешь точно!

Обиделась Екатерина Васильевна на весь белый свет. И на директора за то, что выжил её, и на правительство за то, что мизерную пенсию ей определило, а цены взвинтило так, что ни клубничку, ни яблочко не купить ей, не говоря уже о большем, и даже на прохожих — тех, кто шикарно одет и на машинах разъезжает.

А жила она волею судьбы в соседнем дворе от школы, где всю жизнь проработала. Но и Татьяна Вениаминовна тоже проживала вблизи от своей бывшей работы, прямо через дорогу. И магазины они посещали одни и те же. Ну а в магазинах этих, разумеется, часто доводилось встречаться друг с другом сотрудникам, жившим неподалёку.

И вот однажды, в ту пору, когда у Татьяны намечался день рождения, сын решил отметить его в ресторане, куда были приглашены друзья и сослуживцы.

Екатерина же свой день рождения две недели назад встретила в слезах, одна у телевизора.

А вчера она нос к носу столкнулась в магазине с Валентиной. Валечка Сергеевна была учителем пения в их школе. Обменялись новостями, и Валюша похвасталась, что по совместительству работает в кооперативе Татьяны Вениаминовны и её сына как аккомпаниатор и руководитель хора. И дёрнул её черт добавить при этом:

— Ой, чуть не забыла совсем! С прошедшим вас днём рождения! Здоровья вам и удачи! Мы же вас двоих всегда поздравляли, вот я и запомнила. Как тут забудешь, когда я сегодня к Татьяне Вениаминовне на день рождения приглашена, в ресторан «Нева». Мы же с ней опять сослуживки!

— Ну, желаю хорошо повеселиться! Поздравь её и от меня!

— Ой, обязательно! Всего вам доброго!

Вечером в пронзительной тишине квартиры Екатерина Васильевна вдруг поняла, что высидеть сегодняшний вечер одной дома она не в силах. Бывают такие дни, когда ломаются все стереотипы поведения, исчерпывается логика самоутешений, и человек должен срочно что-то предпринять, куда-то умчаться, увидеть прохожих, — словом, нарушить унылую рутину.

Она открыла свой тайник, в котором находились деньги на похороны и на чёрный день, и подумала:

«А какая разница, в каком гробу меня похоронят? В шикарном или простецком. Меня уже не будет, и я об этом не узнаю. Хочу сейчас пожить, на этом свете, пока ещё хоть какие-то силы есть».

Она извлекла из тайника всю скопленную сумму, хотя раньше никогда не посягала ни на рубль из этого священного для неё источника, и принялась наряжаться. С ней происходило что-то непонятное ей самой. Она надела своё самое лучшее платье с кружевным воротничком довоенной моды, выходные туфли на высоком каблуке, в которых она была стройна, как много лет назад, но ходить в них ей стало уже трудно. Однако она выбрала именно эти туфли, тщательно причесалась, напудрилась и подушилась старинными духами «Красная Москва», которые много лет пролежали у неё в комодке и почти выдохлись, но всё ещё источали, пусть беспомощно и вяло, некогда модный аромат.

Выйдя на улицу, она мысленно представляла себя той Катей, которая кружила головы парням и не знала, как от них отбиться. Она позировала сама себе, играла в какую-то странную игру под названием «счастье понарошку».

Если бы её спросили, что она собирается делать и куда направляется, она бы не смогла ответить, но точно знала, что ей нужно туда, где есть люди, нарядные, счастливые, шумные и куда-то стремящиеся.

Вспомнив повадки молодых, Екатерина Васильевна проголосовала на дороге, и вскоре остановился какой-то невзрачный старенький москвич.

— Куда вам, бабуля? — спросил белобрысый добродушный паренёк, слегка удивившись странному наряду дамы из прошлого века, ловко голосующей на дороге.

«Интересно, а деньги у неё настоящие или тоже из того времени, когда было в моде это платье и эти чёртовы духи?!»

Екатерина Васильевна уже склонилась для переговоров с водителем, опустившим окно и собиравшимся озвучить цену. Но, услышав слово «бабуля», она онемела.

Её нельзя было ранить сильнее! Захлебнувшись от обиды, Екатерина гордо ответила:

— Я ещё слишком молода для взрослых внуков, сынок. Но когда они родятся и вырастут, они не станут так беспардонно обращаться к незнакомым дамам на улице, как вы.

С этими словами она быстро отошла от машины, продолжив голосовать на дороге и оставив водителя в полной растерянности.

Минут десять никто не останавливался. Наконец ей повезло: притормозил жигулёнок, а в нём сидел мужчина, похожий на профессора. Он и вёл себя соответственно, если не считать, что профессора заниматься частным извозом вроде бы не должны. Мужчина был галантен, немногословен и, ничем не оскорбив пассажирку, подвёз её, как она и попросила, к дверям ресторана «Нева». По дороге они всё-таки немного поговорили, и выяснилось, что водитель действительно был когда-то профессором университета, а теперь он на инвалидности по какой-то болезни, и вот подрабатывает. Екатерине пришлось в голову попросить его оставить телефончик.

— Вдруг машина понадобится ещё как-нибудь, так я вас вызову, чтобы нам обоим было удобно.

Мужчина тут же записал свой телефон и хотел было попрощаться, как у Катерины Васильевны созрел план.

— Скажите, вы очень торопитесь? — спросила она.

— Да нет, в принципе. Уже собирался домой, а что?

— Видите ли, не могли бы вы мне помочь в одном деле? Мне нужно...

И тут Екатерина Васильевна проявила чудеса хитрости и изобретательности. Она, конечно, не стала посвящать незнакомца в своё подлинное стремление подглядеть за чужим счастьем, к которому испытывала злобу и зависть такой силы, что была напугана этим напором чувств даже сама. Она напустила тумана, сказав, что в зале будет некто, кому ей необходимо продемонстрировать своё личное счастье и благополучие. Она намекала на мужчину, предавшего её в юности. Просила незнакомца с представительной профессорской внешностью сыграть роль её нежного мужа или любовника. Расходы она, разумеется, возьмёт на себя.

Анатолий Валерьянович, водитель жигулей, быстро включился в игровую ситуацию и выразил готовность помочь. Похоже, ему тоже было одиноко, а предложение его пассажирки предвещало интересный вечер.

— Мне нужно переодеться, я ведь не могу в таком виде... Но я живу тут недалеко, на Старо-Невском. Хотите подождать меня здесь, или я могу пригласить к себе на чашку кофе. Кстати, я вдовец, если вас смущает...

— Меня не смущает. Кстати, я тоже вдова. Но дело не в этом. Я подожду вас на Невском. Для меня это будет приятной прогулкой. Давайте сверим часы.

— Но у меня есть одно условие, милая дама.

Екатерина Васильевна насторожилась.

— Я не могу позволить своей даме платить в ресторане. А по сценарию, вы ведь — моя дама. Так что расходы — на мне, иначе я не согласен. Я ведь тоже буду получать удовольствие от еды, напитков, музыки и общения с вами.

Екатерина Васильевна просияла. Анатолий Валерьянович уехал.

Она немного воспрянула духом, прогулялась по Невскому, почувствовала давно забытый ритм вечернего города, выпила чашечку кофе в кафе «Лакомка» и, посмотрев на часы, поняла, что пора занимать наблюдательный пост. Внезапно она вспомнила, что может и не попасть в ресторан без предварительной записи. Подойдя к швейцару, бывшая учительница всунула ему червонец и внятным шёпотом произнесла:

— Получишь ещё, еслипустишь меня в самый дальний угол, а мой муж скоро ко мне подсядет.

— Ты что, бабуля! Я не могу! Мест нет! Тут не я один командую парадом.

— Поняла! Вот ещё! — с этими словами Екатерина Васильевна всунула обалдевшему швейцару второй червонец, пытаясь погасить обиду за слово «бабуля» уже во второй раз в этот день.

Тот вздохнул и велел подождать. Через несколько минут вышел какой-то официант и, посмотрев на женщину, как на котлету по-киевски, с сомнением, что она съедобная, произнёс:

— Скажите по сути, вы есть будете или ещё что интересует?

— Ещё как интересуется!

Увидев ужас на лице официанта, она добавила:

— Я буду и есть, и развлекаться, молодой человек! Ко мне через минут двадцать придет муж. Хотим провести этот вечер вдвоём за дальним столиком. Чаевые оставлю хорошие, не переживайте. Я — грамотная.

Швейцар то ли поделился с официантом информацией о щедрых чаевых бабуся, то ли самими чаевыми, но Екатерину Васильевну не просто пропустили в святая святых — в зал вечернего ресторана на Невском проспекте, да ещё и в выходной день, но и усадили за уютный столик подальше от оркестра. Она попросила принести минералки и нервно поправила причёску. В назначенное время на минутку вышла на улицу встретить «мужа».

Анатолий Валерьянович уже стоял перед входом и оглядывался. Увидев «супругу», он заулыбался и прошёл за ней следом в ресторан. На нём был отлично сидевший добротный костюм тёмно-синего цвета, белая рубашка и синий галстук. Выглядел он потрясающе. Новый знакомый взял в руки меню и стал предлагать спутнице закуски. Зал оставался ещё полупустым. Но некоторые столы уже были сервированы для гостей.

— Интересно, какой стол заказали они, — пыталась угадать Екатерина Васильевна, придумывая весь дальнейший ход пьесы. Она будет танцевать со своим спутником и якобы нечаянно столкнётся с бывшей сотрудницей. Учительнице пения скажет, что хотела сделать сюрприз и потому не призналась, что именно в этом ресторане и у неё сегодня торжество, правда, немного с опозданием, так как муж был в отъезде. Пусть знают, что и она — не какая-то там рухлядь, позабытая всеми, а личность и всё ещё женщина, причём любимая женщина. И её день рождения — для кого-то тоже важная дата, достойная быть отмеченной в одном из лучших ресторанов города, вот так!

Анатолий оказался щедрым. Он заказал хорошего вина и много вкусных блюд, пожалуй, слишком много для двоих.

«Может, я понравилась ему, и он собирается за мной ухаживать всерьёз?» — неожиданно мелькнула мысль и немного согрела её душу. Но это временное потепление

мгновенно исчезло из её сердца, как только в зал вошла компания, в центре которой она сразу заметила её — свою главную в жизни соперницу, которой удалось вырваться из бедности скромной учительницы в число преуспевающих мира сего.

«Ишь ты, какое на ней платье! С ума сойти! Это ж сколько оно может стоить?»

Ей не с кем было поделиться своими наблюдениями и чувствами: она отлично сознавала, что её сжигает зависть, которую нужно скрывать от всех.

«Но ведь это — не просто зависть, — рассуждала она, пытаясь себя оправдать. — Это протест против жизненной несправедливости. Ведь я ничем не хуже Татьяны, вечно озабоченной проблемами своих сыновей. Старший сын у неё — в Америке давно, а это, между прочим, не слишком укрепляет авторитет учителя советской школы. Чему она может научить других детей, если её родной сын предал родину и умчался за колбасой и прочими благами в США? И вообще, как так вышло, что её после этого не сняли с работы? Мало того! Она ещё и свой бизнес открыла! И это — с таким аморальным фактом биографии. Куда, спрашивается, смотрит власть? Может, очки у власти запотели, плохо видится, так можно и помочь... Ишь ты, цветами её закидали! И подарками! Ну ничего, ещё не вечер. Ты забыла обо мне, так я напомню о себе сама!»

Когда начались танцы, Екатерина Васильевна, раскрасневшись от вина и предвкушения отложенного, но неминуемого мщения, постаралась быть замеченной соперницей. Они столкнулись лицом к лицу, и удивлению Татьяны не было предела.

— Вот это встреча! Какими судьбами? — искренне обрадовалась она.

— Теми же, что занесли и тебя сюда. Я лично день рождения справляю с мужем. Познакомься!

— Катя! Когда ты успела? Я и не знала, что ты замуж вышла! Поздравляю от души! Может, к нам за стол?

— Спасибо, но мы бы хотели этот вечер провести вдвоём, так сказать, наедине.

— Понимаю и желаю вам отличного вечера. Звони, ты ведь знаешь мой номер телефона. Я бы и сама позвонила, но так времени не хватает, просто жуть!

— Ну, ещё бы! Своё дело — не шутки!

Они ещё пару минут поболтали ни о чём и разошлись. Анатолий Валерьянович всё пытался выяснить, где же тот мужчина, который обидел его спутницу в юности. Но она сказала, что для натуральности поведения ему лучше этого не знать, а то ещё невольно станет коситься в ту сторону.

Так и пробежал этот удивительный вечер в мелькании света, зеркал и эмоций.

Новый друг проводил Екатерину Васильевну на машине до дома, и с этого момента они стали общаться. Жизнь наполнилась смыслом, а одиночество уже не давило так нагло на её женскую душу, как прежде.

Анатолий готов был тратить на неё всё, что имел. Но беда-то и состояла в том, что он ничего не имел, ну, или почти ничего. Екатерина по-прежнему жаждала реванша! Ни приятный знакомый, из которого можно было при желании вылепить неплохого супруга, ни домашний уют, ни хорошее для её возраста здоровье — ничто не радовало Екатерину Васильевну из-за ощущения обиды, которую нанесла ей жизнь, навязав созерцать куда более успешную судьбу своей куда менее достойной счастья коллеги.

Мечта отомстить сопернице за процветание не покинула душу бывшей учительницы и даже стала обретать черты навязчивости. Хотелось во что бы то ни стало погубить предприятие и ту роскошь, которую сулило дальнейшее развитие дела. Это нужно было прекратить. Но как? Варианты мести приходили и уходили, не находя одобрения самого их создателя.

Выдвигать родственные связи с сыном, живущим за границей, как основной аргумент против успешного предприятия казалось Екатерине Васильевне недостаточно серьёзным. Ведь после отъезда сына она много лет безупречно проработала в школе, так что тут дело не прокатит. Надо искать что-то другое. Все идеи были не слишком убедительными.

И вдруг сама судьба услышала о её проблеме и подкинула мяч почти в самые ворота противника.

Глава 5

Екатерина Васильевна тоже жила в коммунальной квартире. В одной из комнат — молодая мама с ребёнком семи лет. Женщина воспитывала сынишку одна, и он рос слишком подвижным и конфликтным. Мама его мучилась, пока не узнала о существовании замечательной группы продлённого дня. Она тут же устроила туда сына и стала замечать, насколько легче и спокойней ей зажилося на свете. Сын её, правда, умудрился и там всех переполошить: он подрался с каким-то мальчиком прямо на занятии по музыке. Через мгновение учительница разняла детей, но Сергей вернулся домой с синяком. Маме пришлось объясняться с ним и с учителями, обещать, что больше такого не повторится. Но ребёнок продолжал проявлять агрессию. Она даже водила его к невропатологу, но тот сказал:

— Посмотрим, когда он станет старше. А пока соблюдайте режим дня, пусть спит полноценно и питается хорошо. Ну, могу валерианы ему посоветовать попить два раза в день. А вам нужно стараться быть с ним более спокойной и терпеливой. Вот и всё.

Однажды Серёжа проиграл в эстафете «самый быстрый», которая проводилась на продлёнке и нравилась многим ребятам. Недолго думая, он подскочил к победителю и сильно ударил его в лицо. Тот упал. Однако двое других стоявших рядом первоклассников отомстили за своего невинно пострадавшего друга. Всё длилось, наверное, минуту. Но и этого оказалось достаточно, чтобы никому из участников не удалось скрыть следы драки.

Сергей пришёл домой с выразительным синяком под глазом и с оторванным рукавом школьной формы. Мама плакала, протирала ссадины перекисью водорода, а потом прикладывала к его глазу спитую чайную заварку, чтобы синяк поскорее прошёл.

Узнав о случившемся, Екатерина Васильевна воодушевилась. Поздним вечером, когда все соседи разошлись по своим комнатам, она пригласила Серёжину маму на чашку чая.

— Зайди ко мне на минутку, Зоя, я тебе скажу кое-что.

Когда соседка появилась у неё, Екатерина прищурилась и пошла в атаку:

— Ну, что, кончилась твоя счастливая жизнь? Ведь выпрут твоего Серёгу с продлёнки этой, как пить дать! И останешься ты, с чем пришла к ним, то есть со своими проблемами: и сына не с кем оставить, и работу свою потеряешь из-за этого, и форму новую ему ещё покупать придётся. Тебе с лимоном чай или без? Вот послушай меня, девочка! Я жизнью битая: плохого не посоветую. Можно и иначе твою ситуацию решить. Как? Я объясню! Нет, продлёнку-то эту вы всё равно потеряете, да только выгоду свою поимеете, и немалую.

И тут она изложила Зое, измученной безысходной жизнью одинокой малообеспеченной женщины, свой гениальный, как ей казалось, план.

Начала с приятного, а именно: если её план будет принят, то с Сергеем сидеть будет сама Екатерина Васильевна. А что! Педагог с высшим образованием! Ей нужна подработка, Зое нужен надёжный человек, исполняющий роль бабушки. В общем, кормить его Екатерина станет, и гулять с ним, как с родным, и уроки делать поможет за те же деньги, что Зоя платит продлёнке. Соседка оживилась. Тогда Екатерина Васильевна набрала в лёгкие побольше воздуха и прошипела:

— Мне будет хорошо: я прибавку к пенсии получу от тебя. Тебе — надёжная «продлёнка» в родной квартире. Но нужно кое-что сделать... Зоя, дорогая! А ты уверена, что всё так и было, как оно преподносится тебе? Не сами ли работнички продлёнки детей лупят? А даже если и не они, так всё равно это — их вина. Как же это так происходит, что в их присутствии дети калечат друг друга? На то они и учителя, чтобы следить за порядком и не допускать драк и прочего. Им святое доверяют — детей! А они что? На бед-

ных родителей вину сваливают? Так вот, если напишешь заявление в РОНО про то, что в продлёнке этой детей не то учителя избивают, не то при их халатном отношении к работе дети делают что хотят, и вот дошло до таких безобразий, так я тебе обещаю уход за сыном с моей стороны, как за родным. Я бы и бесплатно помогла, но у меня самой с деньгами плохо. Что скажешь?

— Так ведь нечестно это, на людей наговаривать.

— А драки допускать регулярные честно? А если в следующий раз он без глаза останется? Тогда как? Глупая ты, Зойка! Они к тебе в ноги кланяться придут, чтоб их не посадили за издевательство над детьми! И кучу денег тебе заплатят, чтобы ты заявлению дальше ход не дала. Но ты про меня никому не должна ни звука пикнуть, иначе я за себя постою так, что...

— Ну что вы! Я никому ничего не скажу. А можно я просто вам буду деньги платить, чтоб вы с Серёжей сидели, а заявлений никаких не писать, а?

— Нет, нельзя!

Зоя не спала всю ночь. Ей было стыдно гадить хорошим людям. Но эти хорошие люди не могли ей ничем помочь. Они вызывали её на разговор. Наверняка они попросят забрать сына, так как он хронически нарушает дисциплину и бьёт детей. А что ей делать и как жить, никого не волнует. А вот соседка, хоть и некрасивое дело предлагает, но обещает заменить продлёнку собой. Только непонятно, зачем ей-то это заявление нужно.

Зоя знала, что её сын — драчун и что коллектив продлёнки здесь не виноват. Серёжка будет драться везде и всюду. Таким был и его отец. Тем не менее вечером следующего дня она написала заявление в РОНО под диктовку образованной соседки.

Целую неделю Екатерина Васильевна чувствовала себя счастливой: она предвкушала свою месть. Уж ей-то не знать реакции РОНО!

Потреплют нервы всем буржуям как следует! Вздумали обогатиться за счет славянских детей! Пусть у себя

в Израиле бизнесы частные открывают и своих дурят, а не здесь! Ишь, что придумали, подонки! Жиды хитрые!

Закреть их лавочку — этого недостаточно! Их нужно посадить! Вот это был бы достойный реванш!

Она раскраснелась и полезла в записную книжку: кто-то из её бывших учеников работал в следственных органах. Нужно будет связаться с ребятами... Они помогут ей, бывшей учительнице! Им жиды тоже симпатии не внушают. А уж преподнести случайную драку детей как халатность руководства как минимум, а лучше — как намеренное травливание детей с целью национальной розни и мести славянскому населению — это уже дело мастерства следователя.

Она ликовала. Какой повод назревает нарядиться и пойти на открытое заседание суда! Вот это будет праздник!

Однако предвкушение победы оказалось недолгим. Буквально через десять дней ей позвонила знакомая из школы и рассказала, что вся семья Татьяны Вениаминовны на прошлой неделе покинула страну. Они, как выяснилось, уже давно готовились к отъезду, но держали это в тайне.

В тот день Екатерине Васильевне пришлось вызывать скорую помощь. Зоя хлопотала вокруг неё, не понимая, что именно так растревожило соседку. Гипертонический криз удалось снять, но депрессия ещё долгое время не отпускала бывшую учительницу, и жизнь её протекала тускло, как свет затухающей керосиновой лампы.

Глава 6

Когда Ире исполнилось тридцать пять лет, Вадик получил приглашение от брата приехать в США. Навсегда.

— Раньше я и сам на ногах не стоял, потому и не звал никого, — писал тот. — А сейчас я прилично устроен, дом купил хороший, есть куда родных звать. Так что давай, братишка, приезжай! Соскучился я по тебе и по маме. Первое время вы все у меня поживёте. Места хватит. Потом снимете себе что-нибудь. А там и своё жильё купите, даст бог!

Вадим, как оказалось, в душе давно мечтал об этом приглашении. Ну а Ира мгновенно приняла решение мужа: а куда она без него! Да и Америка казалась ей по фильмам и книгам волшебным краем, полным чудес и возможностей.

Наталья Владимировна сначала пребывала в шоке: про Америку ничего хорошего в её кругу не говорили. Ругали по всем возможным и невозможным поводам. И народ там хуже нашего, и все улыбаются не от души, и косметика не так натуральна, как у нас, и люди в основном едят куриные ножки плохого качества, зато в бешеных количествах, потому что, кроме еды, в США, разумеется, никто ничем не интересуется. Оттого все и толстые такие. От обжорства и бездуховности. А политика там — так это ну просто не обсуждается.

— Лезут куда не просят, никакой гуманности и уважения к другим народам! — так любил говорить сосед Иван Фёдорович, давно овдовевший полковник КГБ в отставке, выполнявший свой интернациональный долг в Чехословакии в 68-м, а потом и в Афганистане. Он иногда заходил к Наталье Владимировне на чашку чая с пирогом под предлогом одолжить соль или перец. А за чаем у него всегда возникали воспоминания о жизни, насыщенной боевыми доблестными подвигами и неистовым русским патриотизмом.

Об Америке Наталья Владимировна думала, как о недостижимой луне. Страшно, непредсказуемо, и главное — не как у нас. Никто из её друзей в США не был, но все они точно знали, что там всё устроено неправильно, даже если и красиво, если судить по фильмам о миллионерах. В общем, чужая неприятная страна, полная опасностей и подвохов. Господи, за что им с дочкой такое горе!

Однако дети решили ехать. Причём безоговорочно. А жизнь без дочери и внуков для Натальи Владимировны была бессмысленной. И тут произошло нечто странное в понимании Ириной мамы: её знакомые, соседи и друзья — словом, все те, кто с таким энтузиазмом насмехался над Америкой, стали вдруг так откровенно завидовать ей и её дочери, что она совсем растерялась: как можно зави-

довать отъезду в такую ненавистную страну?! Сами же говорили... В кругу сослуживцев и друзей предстоящий отъезд в США вдруг стал предметом ненависти одних и приторного заискивания всех прочих.

Всех прочих было значительно больше! И Наташа окончательно перестала понимать, что происходит. Зять-еврей из неудачника-изгоя внезапно превратился для всех во-круг в великую ценность. Вадик стал почти иностранцем! Он мог увезти за тридевять земель, выслать гостевое приглашение, познакомить чью-то дочь с будущим американским миллионером, помочь наладить совместное предприятие — аж с самой Америкой! — что звучало как залог успеха любого бизнеса.

Зять Наташи мгновенно оброс легендами о родственниках-богачах, о несметном наследстве умирающего дяди, о приглашении преподавать физику в университете США и бог знает ещё о чём. И хотя ничего подобного Наталья Владимировна никому не рассказывала, слухи откуда-то рождались и множились. Накал фантазий нарастал. Остановить этот процесс было невозможно. Наверное, иногда людям важно поверить, что сказки всё-таки существуют, пусть хоть у кого-то рядом, раз не у тебя лично... В их дом почти каждый день приходили знакомые с просьбами устроить встречу с Вадиком. И хотя пьяницы из соседней комнаты во время каждой попойки стучали Наташе в стенку и кричали «Предатели Родины!», все остальные жильцы стали почтительно здороваться и даже спрашивать, будет ли Наташа им писать из США и что станет с её комнатой после отъезда.

С каждым днём интерес к ней и её семье нарастал, и Наташа стала догадываться, что её дочка, видимо, всё-таки «вытянула счастливый билет», выйдя замуж за еврея.

Уезжали большой семьёй: Татьяна Вениаминовна — мама Вадима, Наталья Владимировна — мама Иры, двое внуков и сама молодёжь.

В США Вадик выучился на программиста и стал прилично зарабатывать. Английским языком он владел ещё в России: мама постаралась.

Ирина закончила колледж и одновременно усиленно занималась языком. Ей удалось найти работу по специальности бухгалтера.

Дети ходили в школу. А бабушки хлопотали по дому, воспитывали внуков, разгружая своих взрослых детей от бесконечных бытовых проблем. Жили они все в большой квартире — снимали целый этаж частного дома. Комнат хватало, но по-прежнему на всех одна кухня, один туалет и ванная.

Бабушки то страстно дружили, шушукаясь по вечерам за чашкой чая, а по утрам оббегая близлежащие магазины в поисках подарков детям и внукам, то вдруг надувались друг на друга из-за какой-то ерунды и расходились по комнатам. Ссоры детей мгновенно вызывали напряжённые отношения у бабушек. Ревность к внукам тоже прибавляла масла в огонь: не дай бог, если одной бабушке достанется больше внимания и нежности! Мешали и разногласия в вопросах педагогики: наказанных одной бабушкой внуков тут же пыталась пожалеть вторая бабушка, хотя обе отлично знали, что это недопустимо. В такие минуты бабули подолгу не выходили из своих комнат. Потом одна не выдерживала осады и, к радости второй, начинала беседу как ни в чём не бывало. Отношения тут же налаживались: они ведь любили одних и тех же людей и готовы были отдать за них жизнь!

А вот с Америкой эти немолодые уже женщины, такие разные во всём, подружились мгновенно. Отчества свои они с радостью сложили в архив памяти, официоза и документов прошлого, и это обстоятельство как-то удивительно благотворно подействовало на них психологически. Сбросив вместе с отчествами и пару десятков лет, женщины мгновенно ощутили разбрызганный в воздухе аромат благополучия и безопасности.

Им ничего не грозит, кроме новой радостной жизни.

Они и сами не могли бы объяснить причину, но им вдруг захотелось вновь стать красивыми и молодыми, как много лет назад. Очень давно никто из них не испытывал ничего подобного. Почему-то жить стало интересно, как в юности.

Дети определили их на курсы английского языка. Татьяна, хоть и была в России преподавателем английского, местный диалект и темп постигала с трудом. А уж о Наташе и речи нет.

На курсах все подружились, приносили из дома пироги, что хорошо шли под кофе из термосов и рассказы о том, как и что тут устроено у них, в Америке, и кем все эти люди были там, в стране своего рождения.

В кафе не ходили: и некогда, и денег тратить никому неохота. Ведь если перевести в рубли, так эта чашка кофе — просто расточительность неприличная, не говоря уже о пирогах! Рассказывали друг другу о жизни в США невероятные вещи: кто-то из бывших земляков, живших неподалёку, придумал и запатентовал какую-то штуку для мытья автомобилей, которая нашла популярность и принесла изобретателю бешеные деньги. Соседи и знакомые тут же бросились изобретать что-то своё.

Циля из Бобруйска, которая в группе славилась хорошей памятью, почему-то решила, что в Америке нет кефира. Она пыталась его делать на кухне в арендованной квартире, вынашивая планы запатентовать свой особый кефир и внедрить в производство. Держа в тайне рецепты и надежды на скорое богатство и славу, она случайно увидела в русском магазине бутылку, на которой было по-русски написано «кефир». Циля почувствовала прилив крови к лицу и утром не пришла на занятия. Её сестра по секрету рассказала кому-то о причине стресса своей родственницы, и на следующий день вся группа умирала от хохота по поводу Цилиного несостоявшегося изобретения. Но, как потом выяснилось, тот, кто веселился, тоже имел подобные тайны, которые так или иначе просачивались и превращались в анекдоты.

Саша Беккер раздражённым шёпотом выговаривал жене, что её выкройки нового кошелька нельзя запатентовать. А она кричала ему в ответ в пятиминутном перерыве между занятиями, что он завидует ей как творческому человеку. Все что-то изобретали и мечтали открыть в себе тайные способности и даже таланты.

Поэт и прозаик Галина Пичура родилась и выросла в Ленинграде. С 1991 года живёт в США. По образованию библиограф и программист. Автор многочисленных публикаций в литературной периодике США и Европы. Призёр и финалист международных литературных конкурсов. Член Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА).

Что остается от любви, когда проходит время — и когда история ломает судьбы? «Срок давности, или Моя любовь» Галины Пичуры — сборник прозы о человеке в эпохе, вне эпохи и наперекор ей. Это самостоятельное произведение и одновременно логическое продолжение книги «Наваждение» — бронзового призера международного литературного конкурса «Лучшая книга года — 2022» (Германия).

Герои этого сборника — люди, которых история не спросила, готовы ли они к её резким поворотам. Их частная жизнь разворачивается на фоне больших событий: семидесятые годы в СССР, слом эпохи в девяностые, эмиграция и первые шаги в Америке, современная жизнь в США. Рядом с этим — истории, не связанные с переездом, но не менее драматичные и узнаваемые. В центре книги — вечные темы: любовь и утрата, выбор и ответственность, близость и одиночество, психология человеческих отношений. Автор говорит с читателем лёгким, ненавязчивым языком, с иронией и самоиронией, не предлагая готовых ответов и оставляя пространство для размышлений.

Галина Пичура — это состоявшийся писатель высокого уровня, прекрасно владеющий языком, тонко чувствующий, великолепно подающий материал.

*Лариса Войчинская,
член Союза журналистов России,
«Золотое Перо Руси»*

Галина Пичура талантливо находит в простых и обычных судьбах и явлениях то, что делает её прозу и поэзию откровением для современников.

*Лариса Вербицкая,
заслуженная артистка России*

ISBN 978-1-970342-16-1

9 781970 342161